

**ЯЗЫК
И НАЦИОНАЛЬНОЕ
СОЗНАНИЕ**

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
Научная школа в области общего и русского языкознания
профессоров З.Д. Поповой и И.А. Стернина
Кафедра общего языкознания и стилистики
Кафедра английского языка естественно-научных факультетов
Центр коммуникативных исследований им. проф. И.А. Стернина

Язык

и национальное сознание

Продолжающееся научное издание

Вып. 32

Издается с 1998 г.

Москва
2026

**УДК 81'33
ББК 81**

Редакционная коллегия:

д.ф.н., доц. А.В. Рудакова, д.ф.н., проф. М.А. Стернина –
научные редакторы;
д.ф.н., проф. А.П. Бабушкин; к.ф.н., доц. Н.А. Козельская;
к.ф.н., доц. М.С. Саломатина

Рецензенты: проф. Е.А. Маклакова, проф. В.М. Топорова

Продолжающееся научное издание

*Научная школа в области общего и русского языкоznания
профессоров З.Д. Поповой и И.А. Стернина*

**Язык и национальное сознание: сборник научных трудов / Науч. ред.
А.В. Рудакова, М.А. Стернина. – Москва: издательство «РИТМ», 2026. –
Вып. 32. – 181 с.**

Тридцать второй выпуск продолжающегося межвузовского научного издания «Язык и национальное сознание», издаваемый Научной школой в области общего и русского языкоznания профессоров Зинаиды Даниловны Поповой и Иосифа Абрамовича Стернина, отражает результаты исследований в области теории и практики описания языкового и коммуникативного сознания носителей языка. В сборнике представлены статьи как воронежских ученых, так и исследователей из других вузов России, Республики Беларусь, Кыргызской Республики, работающих в рамках проблематики и концепции Школы.

Для филологов, преподавателей русского и иностранных языков, преподавателей русского языка как иностранного, специалистов в области когнитивных исследований, психолингвистики и межкультурной коммуникации.

ISBN 978-5-00208-7

© Коллектив авторов, 2026

A.P. Нурутдинова (Казань)

Соматический код в паремиях как интертекстуальный маркер культурной памяти (на материале русского, английского и японского языков)³

Аннотация: В статье проводится сравнительное исследование паремиологических фондов русского, английского и японского языков, выявляются общие и специфические сенсорно-телесные модели, закрепляющие и транслирующие уникальные модели национального мировосприятия и укрепляющие культурную идентичность через постоянное воспроизведение и актуализацию унаследованных представлений.

Ключевые слова: сравнительная паремиология, культурная память, интертекстуальность, соматический код, сенсорные образы, национальная идентичность, культурный концепт.

Abstract: The paper provides a comparative study of the paremiology of the Russian, English and Japanese languages, identifies common and specific sensory-bodily models that consolidate and transmit unique models of national worldview and strengthen cultural identity through the constant reproduction and actualization of inherited representations.

Key words: comparative paremiology, cultural memory, intertextuality, somatic code, sensory images, national identity, cultural concept.

Актуальность паремиологических исследований в современной лингвистике, определяемая их уникальной ролью в репрезентации культурного кода народа (Воркачев 2001; Шайкевич 2012), открывает новые перспективы для реконструкции глубинных, зачастую невербализованных пластов коллективного сознания. Телесный опыт и данные органов чувств служат первичным материалом для метафорического осмыслиения действительности, а их языковое воплощение в устойчивых формулах позволяет выявить механизмы категоризации эмоций и оценок (Карасик 2015; Маслова 2004; Minami 2007; Kövecses 2015; Gibbs 2005). Японская лингвистическая традиция, в особенности направления, связанные с изучением «языковой жизни» (gengo seikatsu) и культурных концептов «ki» (氣) и «kokoro» (心), представляет особую ценность для решения поставленных задач (Asano 2006; Suzuki 2014). Исследования современных лингвистов в области прикладной лингвистики и кросс-культурного анализа свидетельствуют о непрерывном развитии традиции изучения языка в его связи с сознанием и коммуникацией (Minami 2007). В рамках данного исследования паремии рассматриваются как активные элементы «текстовой

---

³ Работа выполнена за счет гранта, предоставленного Академией наук Республики Татарстан образовательным организациям высшего образования, научным и иным организациям на поддержку планов развития кадрового потенциала в части стимулирования их научных и научно-педагогических работников к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ (Соглашение от 22.12.2025 № 12/2025-ПД-КФУ).

памяти» (Ассман 2004), что соотносится с понятием «мест памяти» (Нора 1999) и механизмами функционирования «памяти в культуре» (Erll 2011).

Материалом исследования послужили тематические сборники пословиц и поговорок. Для русского языка основным источником выступил современный словарь русской паремиологии под редакцией В.М. Мокиенко. Для английского языка анализ проводился на материале классического справочника «Oxford Dictionary of English Proverbs». Для японского языка был использован фундаментальный сборник «Кодзикигэн» (故事ことわざ辞典) и японские источники, содержащие классические пословицы (諺, kotowaza).

Методы исследования включают следующие этапы: сплошная выборка; семантический анализ; сопоставительный анализ. Целью было выделение трех типов закономерностей: универсальных, этноспецифических, контрастивных.

Во всех трех языках идентифицирован универсальный набор концептов, связанных с внутренним миром человека. Частотными являются соматизмы *сердце / heart / 心 (kokoro)*, выполняющие функцию эмоционального центра, и *глаз (око) / eye / 目 (me)* как органы восприятия и оценки внешнего мира. Русское *сердце* и английское *heart* имеют ярко выраженную **эмоциональную** коннотацию. Японское *kokoro* – понятие широкое и комплексное, включает в себя: **эмоции** (как и *сердце*); **мысли, интеллект** (ближе к русскому *ум, разум* или английскому *mind*); **душу, дух, намерения** (ближе к русской *душе*); **сердцевину, суть** чего-либо: поэтому, когда японец говорит 「心が痛い」 (Gendai Kotowaza Jiten 2009) *kokoro ga itai*, это переводится как *сердце болит* (эмоция), а в выражении

「心に留める」 (Gendai Kotowaza Jiten 2009) *kokoro ni te oukeru* – **принять к сведению, иметь в виду** (интеллект). Универсальным является не конкретный орган *сердце*, а концепт **внутренний центр личности**, который кодируется разными, но функционально схожими соматизмами (Asano 2006).

Пословица 「目は心の鏡」 (Gendai Kotowaza Jiten 2009) (*Me wa kokoro no kagami*) – **Глаза – зеркало души** – демонстрирует кросс-культурное единство в понимании связи зрения и внутреннего состояния, при этом японский вариант апеллирует к многогранному *kokoro*, что точнее передается русским словом *душа*, нежели *сердце*. Данная универсальность – свидетельство работы базовых **мнемонических механизмов культуры**. Концепт «внутреннего центра» выполняет функцию **ключевого интертекстуального маркера** и обеспечивает преемственность фундаментальной идеи о дуализме внешнего и внутреннего, телесного и духовного, которая является одной из «точек сборки» **культурной памяти** (Нора 1999). Таким образом, паремии с соматизмами *сердце / heart / kokoro* выступают как отражение эмоций, и как активные агенты *трансляции и канонизации центральной для человеческой культуры оппозиции*.

Соматизм глаз (око) / eye / 目 (me) универсально выступает как орган восприятия, но в японской культуре с ее высокой значимостью неверbalного общения – 「目」 (me) несет дополнительную смысловую нагрузку, связанную с социальной интуицией и имплицитным пониманием, умением 「空気を読む」 (Shinmura 2018) (*Kūki o yomu*) «читать воздух» (т.е. понимать ситуацию без слов) и 「目配せ」 (Gendai Kotowaza Jiten 2009) (*meikube*) «осуществлять обмен взглядами, понимать с полуслова», что обогащает его паремиологический потенциал.

Выявлены универсальные модели репрезентации эмоций через сенсорные характеристики: концепты *сладкий* / *sweet* / 「甘い」 (*amai*) и *горький* / *bitter* / 「苦い」 (*nigai*), которые устойчиво кодируют позитивные и негативные переживания соответственно. Противопоставление 「甘い」 (*amai*) / 「苦い」 (*nigai*) как метафор позитивного и негативного опыта – это классический и абсолютно универсальный для японского языка случай. 「甘い」 (*amai*) *сладкий*: наивность, снисходительность, легкомысление 「甘い考え方」 *amai kanga* – наивная/легкомысленная идея), что-то приятное (Gendai Kotowaza Jiten 2009). 「苦い」 (*nigai*) *горький*: неприятный опыт, страдание, трудности 「苦い経験」 *nigai keiken* – горький опыт) (Gendai Kotowaza Jiten 2009). 「甘い言葉に騙されるな」 (Gendai Kotowaza Jiten 2009) (*Amai kotoba ni damasareru na*) – «Не дай обмануть себя сладкими речами», где 「甘い」 (*amai*) коррелирует с английским *sweet words* и русским *сладкие речи*, обозначая неискреннее, но приятное обольщение. 「親の甘い汁を吸う」 (Gendai Kotowaza Jiten 2009) (*Oya no amai shiru o suu*) буквально «Пить сладкий сок родителей», т.е. жить за их счет, пользоваться их благосостоянием. 「青春の苦い思い出」 (Gendai Kotowaza Jiten 2009) (*Seishun no nigai omoide*) «Горькие воспоминания юности».

Лингвокультурологический анализ позволяет уточнить, что кросскультурное единство основано на **функциональной и образной аналогии**. В японской паремиологии уникальна роль концептов 「気」 (*ki*) и 「腹」 (*hara*) (Shinmura 2018). Концепт 「気」 (*ki*), не имеющий прямого эквивалента в русском и английском, – это центральный концепт японского языкового сознания, обозначающий психическую энергию, внимание, намерение, дух, настроение, то есть то, что направляет сознание и чувства (Shinmura 2018): 「気が重い」 (*Ki ga otroi*) – Тяжелый *ki* – есть чувство подавленности; 「気が散る」 (*Ki ga chiru*) – *Ki* рассеивается (быть рассеянным, терять концентрацию) – демонстрирует связь *ki* с вниманием;

「気を使う」 (*Ki o tsukau*) – Использовать *ki* (проявлять внимательность, заботу, напрягаться в общении) – ключевая фраза для понимания японской коммуникации, где нужно чутко следить за чувствами других.

「彼にはやる気がある」 (*Kare ni wa yaruki ga aru*) – У него есть *ki*,

желающий делать (он мотивирован) – показывает, как *ki* формирует сложные понятия для описания внутреннего состояния. 「氣」 (*ki*) это **динамический фокус психической энергии**, который может быть большим, маленьким, слабым, рассеянным, направленным на кого-то и т.д. Его универсальность в паремиологии и фразеологии подтверждает тезис об этноспецифичности.

Концепт 「腹」 (*hara*) является центром глубоких, истинных намерений и силы духа. Японская культура связывает подлинное *Я*, глубинные замыслы и решимость с областью живота (Moeran 1984). 「腹」 (*hara*) – не просто живот, а *сэй-тай синтай* 「整態身體」 – *упорядоченное / центрированное тело* в традиционной японской антропологии, что подтверждается устойчивыми сочетаниями (Shimura 2018): 「腹を括る」 (*hara o kikuru*) – буквальный перевод: *собрать / подготовить свой живот* (значение: приготовиться к худшему, внутренне собраться, быть готовым к чему-либо (часто к трудностям); выражает состояние внутренней решимости и готовности принять любые последствия); 「腹を割る」 (*hara o waru*) – буквальный перевод *разрезать / расколоть свой живот* (значение: откровенно разговаривать, говорить от сердца, раскрывать свои истинные намерения; выражает полную искренность и доверие в коммуникации;

「腹を決める」 (*Hara o kimeru*) *Решить/определить свой hara* (принять твердое, непоколебимое решение) – *hara* – центр воли. 「腹を割って話す」 (*Hara o waratte hanasu*) *Говорить, разрезав свой hara (откровенно говорить по душам)* – прямое указание на то, что истинные помыслы скрыты в животе (Gendai Kotowaza Jiten 2009). 「あの人は腹が据わっている」 (Ano hito wa *hara ga suwatte iru*) *У того человека hara утвердился (он хладнокровен и решителен)* – речь о силе духа (Gendai Kotowaza Jiten 2009). Примеры с *腹* (*hara*) подтверждают, что это не просто физический орган и не метафора гнева, а символический центр воли, решимости и истинных помыслов в японской языковой картине мира (Moeran 1984).

Русская *душа* несет более широкую смысловую нагрузку, чем английское *heart*, охватывая метафизические, эмоциональные и экзистенциальные аспекты. Прямое противопоставление не корректно, так как и в английском есть концепт *soul*, но его использование в повседневной паремиологии и фразеологии менее частотно и специфично (чаще в религиозном или поэтическом контексте), чем универсальная русская *душа*. Прагматизм английского *brain* vs. эмоциональность русского и японского: в английском языке существует множество паремий, подчеркивающих ценность интеллекта и рациональности: «*Brain is better than brawn*» (Speake 2015). В русском же языке акцент смещен на эмоционально-духовную сферу. Соматизм «ум» активен: «*Ум – хорошо, а два – лучше*» (Мокиенко 2010), однако *душа* выступает мерилом искренности и правды.

В японском языке наблюдается смещение акцента на эмоционально-духовную сферу и отсутствие культа *brain*, но японская эмоциональность – это социально регулируемая эмоциональность, направленная на поддержание гармонии (*wa* – *和*) (Shinmura 2018). Интеллект и внимание (*ki*) направлены на чтение контекста и чувств других людей. В японском паремиологическом фонде прямого восхваления *ума/головы* (*atama*) как абстрактного интеллекта мало, так как ценится иной тип *ума*: *кэйти-на* (*keichō-na*) – *осмотрительный, почтительный, скромный в суждениях* – это его социально-интегрированная форма 「出る釘は打たれる」 (Gendai Kotowaza Jiten 2009) (*Deru kugi wa utareru*) – *Торчащий гвоздь забивают* (выделяясь небезопасно) – демонстрирует, что *интеллект* в японском понимании – это социальная и эмоциональная мудрость (Gendai Kotowaza Jiten 2009).

Сопоставительный анализ позволил выявить различные языковые стратегии для выражения одного и того же концепта. Концепт *упрямства* в русском и английском языке передается через *шею*; в японском языке через образ 「石頭」 (*ishi-atama*) – *каменная голова*; и 「肚/腹」 (*hara*) – *живот* (уникальный японский код): 「肚が据わっている」 (*Hara ga suwatte iru*) дословно *Живот утвердился* – означает не столько упрямство, сколько непоколебимость, хладнокровие и твердость духа; это важнейший культурный концепт, где *hara* является центром воли (Gendai Kotowaza Jiten 2009). Упрямство рассматривается как негативная сторона этой твердости. Устаревший пример – 「首つ筋」 (*kubisiji*) / 「筋金入り」 (*sujiganeiri*) (Shinmura 2018), означающие «закаленный», «упрямый», буквально отсылают к «прожилкам на шее» или «вставленному в жилы металлу»; этимологическая связь 「筋金入り」 (*sujiganeiri*) с шеей (*kubi*) для современного носителя неочевидна; данное слово воспринимается как метафора с *железными жилами* (Shinmura 2018).

Универсальной является *концептуализация внутреннего центра личности*, который в разных культурах локализуется в разных органах. Для Японии ключевым гиперконцептом является 「心」 (*kokoro*), объединяющий функции, которые в европейских языках распределены между *сердцем* (эмоции), *умом* (интеллект) и *душой* (духовное начало). Универсальность заключается не в анатомическом сердце, а в когнитивной потребности обозначить внутренний мир человека через соматический код.

Бинарность сладкий / горький: противопоставление 「甘い」 (*amai*) / 「苦い」 (*nigai*) в японском языке является фундаментальным и продуктивным для оценки жизненного опыта, как и в русском и английском, что подтверждает гипотезу об общих основах сенсорного опыта человека (Shinmura 2018).

Японские концепты 「氣」 *ki* и 「腹」 *hara* уникальны, но требуют четкого определения (Shinmura 2018). 「氣」 (*ki*) – это не просто *настроение* или *внимание*, а **фундаментальная концепция психической энергии и**

направленного внимания, регулирующая социальное взаимодействие. Пословицы и идиомы с *ki* (напр., 「気が置けない」 (*Ki o okenai*) человек, с которым можно расслабиться) отражают глубоко ритуализированный характер японской коммуникации, где постоянный контроль за распределением своего и чужого *ki* является нормой (Gendai Kotowaza Jiten 2009). 「腹」 (*hara*) – это **вместилище истинной, скрытой сущности человека, его воли и решимости**. Концепт *hara* формирует альтернативную, «глубинную» модель личности, где публичное лицо (建前 – *tatemaе*) может противоречить частным, истинным намерениям (本音 – *honне*). Это ключ к пониманию японских поведенческих стратегий.

Рассмотренные концепты образуют *уникальную архитектонику японской культурной памяти* (Ikegami 1991) и формируют трехуровневую систему кодирования и трансляции коллективного опыта: *kokoro* (心) отвечает за сохранение и интеграцию смыслового и чувственного ядра личности; *ki* (氣) – за динамическую регистрацию и направление психической энергии в социальном взаимодействии; *hara* (腹) – за хранение и мобилизацию глубинной воли и истинных намерений. Триада функционирует как *взаимосвязанный комплекс интертекстуальных маркеров* и поддерживает целостность и *адаптивную преемственность ключевых моделей японской социальности*.

В русской лингвокультуре концепт «душа» выполняет схожую, но семантически отличную от японского *hara* функцию *центрального интертекстуального маркера идентичности*. Если *hara* маркирует скрытую волю и терпение, то *душа* кодирует идеи искренности, внутренней свободы, эмоциональной широты и метафизической сущности человека. Маркер пронизывает все уровни «текстовой памяти»: от корпуса народных паремий («Душа – всему мера», «На душе кошки скребут»), где он формирует аксиологический полюс правды и неподдельности до цитат в классической литературе и риторики современных публичных дискурсов. Его репродукция служит механизмом *адаптации и укрепления национальной идентичности*, актуализируя и воспроизводя такие культурные константы, как оппозиция «внутренняя искренность (*душа*) vs. внешний формализм (*приличие*)», ценность душевности и исповедальности. Паремии с этим концептом являются несущими элементами в структуре русской культурной памяти, обеспечивающими связь между архаичными пластами религиозно-философской мысли и современными представлениями о личности.

Проведенное сопоставительное исследование позволяет сформулировать следующие выводы, раскрывающие роль соматического кода паремий как интертекстуального механизма культурной памяти.

Соматический код как интертекстуальный маркер преемственности. Анализ подтвердил, что устойчивые телесные и

сенсорные образы («сердце / душа», «глаза», «сладкий / горький», «хара», «ки») в русских, английских и японских паремиях функционируют не просто как метафоры эмоций, а как **ключевые интертекстуальные маркеры**, которые циркулируя между архаичным пословичным фондом и современными дискурсивными практиками, обеспечивают семиотическую связь эпох. Они актуализируют унаследованные смыслы, делая их релевантными для новых поколений, и тем самым выполняют функцию **«текстовой памяти»**, обеспечивая непрерывность культурного кода. Универсальный концепт «внутреннего центра» личности, кодируемый разными соматизмами (*heart, душа, kokoro*), является примером устойчивости преемственности базовых представлений о человеке.

Различные стратегии мнемонической адаптации в западной и восточной традициях. Сравнение выявило принципиально разные *стратегии интеграции и адаптации коллективного опыта*. Западные модели (русская и особенно английская) демонстрируют склонность к дуалистической организации смыслов («разум vs. сердце», «brain vs. brawn»). Дихотомия отражает механизм культурной памяти, основанный на категоризации, противопоставлении и рациональном выборе между альтернативами. В противоположность этому, **японская паремиология** предлагает **холистическую триаду** концептов: *kokoro* (интегральный эмоционально-интеллектуальный центр), *hara* (волевой и истинный центр) и *ki* (энергетический ресурс внимания). Триада формирует сложную, недихотомическую мнемоническую модель, где память культуры хранится не в оппозициях, а в динамическом балансе взаимосвязанных начал. Паремии фиксируют **культурно-специфический алгоритм ее обработки и передачи**.

Адаптация и укрепление идентичности через обновление традиции. Механизм работы соматического кода как маркера памяти является по своей сути **адаптивным**. Базовые смыслы проходят **трансляцию в новые контексты**, где обретают актуальные оттенки, сохраняя при этом концептуальное ядро. Например, японский концепт *hara* – маркер глубинной воли и искренности, функционирует и в традиционных пословицах, и в деловом или политическом дискурсе, обозначая непоколебимость решений. Русская *душа*, выступая интертекстуальным маркером идентичности, воспроизводится от фольклора до публицистики, актуализируя оппозицию «внутренняя правда vs. внешний мир». Данный процесс является основой **динамической преемственности**, которая активно укрепляет национально-культурную идентичность, делая ее устойчивой к вызовам времени.

Таким образом, паремии с соматическим кодом представляют активное ядро текстовой памяти культуры и обеспечивают живую циркуляцию и адаптацию ключевых концептов через их интертекстуальную миграцию. Выявленные различия в стратегиях кодирования подчеркивают разнообразие культурных механизмов обеспечения преемственности.

Литература

Asano Y. The Anatomy of Self: The Individual Versus Society. Tokyo: Kodansha International, 2006.

Erll A. Memory in Culture / transl. by S.B. Young. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011.

Gibbs R.W. Embodiment and Cognitive Science. New York: Cambridge University Press, 2005.

Ikegami Y. The Empire of Signs: Semiotic Essays on Japanese Culture. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1991.

Kövecses Z. Metaphor and Culture // Acta Universitatis Sapientiae, Philologica. 2015. Vol. 7. No. 2. P. 131-148.

Minami M. Applying Vygotskyan Concepts to Research on Japanese Literacy Acquisition // Journal of Applied Linguistics. – 2007. – Vol. 4. – No. 1. – P. 23–45.

Moeran B. The Concept of «Haragei» in Japanese Social Interaction // Ethos. 1984. Vol. 12. No. 1. P. 1-25.

Speake J. (Ed.). The Oxford Dictionary of Proverbs. 6th ed. Oxford: Oxford University Press, 2015.

Suzuki T. Words in Context: A Japanese Perspective on Language and Culture / transl. by A. Miura. Tokyo: Kodansha International, 2014.

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. Москва: Языки славянской культуры, 2004.

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкоznании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.

Карасик В.И. Языковые ключи к культурной памяти // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 36-44.

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. Минск: ТетраСистемс, 2004.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских пословиц. Москва: Олма Медиа Групп, 2010.

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память; пер. с фр. Д. Хапаевой. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17-50.

Шайкевич А.Я. Русские паремии как объект лингвистического и культурологического изучения // Вопросы языкоznания. 2012. № 4. С. 78-95.

文化庁文化部. 現代諺辞典 [Gendai Kotowaza Jiten] [テキスト] / 文化庁文化部. 東京 : 大蔵省印刷局, 2009. / Agency for Cultural Affairs. Gendai Kotowaza Jiten. Tokyo: Ministry of Finance Printing Bureau, 2009.

新村出編. 広辞苑 [Kōjien] [テキスト] /

新村出編. 第七版. 東京 : 岩波書店, 2018. / Shinmura I. (Ed.). Kōjien. 7th ed. Tokyo: Iwanami Shoten, 2018.